

Тихон Сыроев «Вы белый, потому что у вас “белое” сознание»

Борьба против расизма может стать новым американским геополитическим оружием

Александр Лукин, доктор исторических наук, считает, что «политика идентичности» на Западе привела к обратной дискриминации: сложились группы «особенно угнетенных», которым даются большие права, чем всем остальным

ВЛАДИМИР ГЕРДЛАС

Когда-то на заре советской истории из страны высланы инженеры, потому что они проповедовали «буржуазную науку», и запрещалась генетика, потому что она противоречит «марксистской диалектике». Сегодня эти примеры идеологического абсурдизма, казалось бы, должны вызывать улыбку. Однако в другой части мира — Северной Америке — наступила культура предельной серьезности, и за неосторожную улыбку, как и за неправильные слова, можно поплатиться работой и социальным статусом. В России все это не может не вызывать в памяти образы недавнего прошлого. Но американская элита пошла дальше.

Сегодня под знаменами борьбы с расизмом в США активно переписываются академические программы и корректируются преподаваемые курсы. Новая идеологическая основа диктует ученым простой и до боли ясный тезис: движущей силой всего исторического процесса являются расизм, расовая дискриминация, доминирование «белых», и именно это студенту нужно знать и с этим знанием жить. Снова в голове невольно всплы-

вают знакомые слова: классовая борьба, отчуждение труда, буржуазия, эксплуатирующая трудящихся. Где-то мы все это уже слышали. Только с иным содержанием.

О том, почему американские университеты превращаются в новые идеологические кузницы, что стоит за антирасистской борьбой в США и как эта борьба может превратиться в новое геополитическое оружие, «Эксперт» поговорил с Александром Лукиным, руководителем департамента международных отношений и заведующим Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма ВШЭ.

— Как получилось, что проблема расизма, которая активно обсуждается в США уже с шестидесятых годов прошлого века, сегодня вновь столь остро врезалась в повестку дня? Причем, как вы написали в своей недавней статье, на этот раз речь идет не только о протестах и усилении антирасистской риторики, вплоть до истерических эксцессов, но и о перелицовывании программ академических курсов. Политкорректности оказалось недостаточно?

— Скорее стоит говорить не о политкорректности, а о политике мультикультурализма, которая оказалась губительной для западной государственной модели. Дело в том, что в рамках концепции мультикультурализма считается, что все этнические культуры в рамках одного национального государства должны существовать автономно, вносить вклад в развитие друг друга, но ни в коем случае не смешиваться. И это как раз привело к появлению гетто в качестве особых зон проживания разных этнических групп. В Лондоне, например, есть африканские районы, есть районы китайские, пакистанские. То же самое есть и в США.

При этом нужно понимать, что идея мультикультурализма является антагонистической по отношению к концепции «плавильного котла», которая предполагает, что все этнические группы должны смешаться в единую нацию. В идее мультикультурализма такого нет, а потому она, по сути, постепенно подрывает традиционное представление о национальном государстве. Сохраняя столь сильную связь со своей этнической группой, члены многих эмигрантских сообществ, состоящих в основном из вновь прибывших мигрантов, не вырабатывают связи с государством, в котором живут. Возникает и так называемая политика идентичности, то есть политические и прочие интересы определяются принадлежностью к этнической или другой группе, а не к нации в целом. В результате мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда, например, многие выходцы из арабских стран или Пакистана, проживающие в Европе, проникаются идеями движения «Аль-Каида», цель которого — уничтожение западного общества как греховного.

— Но как именно расовая проблема вписывается в мультикультурализм?

— Если говорить об американской ситуации, то расизм, помимо всего прочего, здесь как раз наложился на политику мультикультурализма. У черных в Америке сложилась специфическая, двойственная идентичность: они, с одной стороны, считают себя американцами: это было важно в рамках процесса местного освобождения чернокожего населения и встраивания его в американское общество, — а с другой стороны, всегда говорилось, что есть «белая Америка», а есть какая-то другая — «черная». Конечно, эта двойственность небезосновательна. В Америке, в отличие от России, в которой официального расизма и расовой сегрегации никогда не было, реально существовало многолетнее рабство. Чернокожих считали низшей расой, представителей которой можно законно эксплуатировать, они не имели никаких прав.

В южных штатах эта расистская система дожила до начала шестидесятых годов двадцатого века, и это оставило в США очень глубокий социальный шрам. Потому что даже после того, как в шестидесятые годы девятнадцатого века неграм были формально предоставлены гражданские права, на Юге их продолжали всячески ограничивать местные власти. Например, им не давали голосовать, а тех, кто пытался, убивали. Долгое время существовала и система сегрегации: автобусы для белых, автобусы для черных, скамейки для белых, скамейки для черных и так далее. И для того, чтобы побороть на американском Юге это агрессивное сопротивление расовому равенству, в начале шестидесятых годов уже двадцатого века туда даже пришлось вводить федеральные войска и подавлять сопротивление местных властей.

С тех пор, конечно, прошло много времени, однако за этот период среди части чернокожего населения — именно части, потому что многие чернокожие адаптировались и успешно интегрировались в американское общество, — сложился определенный тип сознания, близкий к постколониальному, распространенному в бывших колониях, когда нынешние проблемы сваливаются на бывших колонизаторов.

В США у части чернокожего населения возникла такая же идея, но вместо внешних колонизаторов вся тяжесть обвинений

направлена на белых американцев, в том числе, кстати, на тех, кто никогда не жил в южных штатах и к рабству вообще не имеет отношения. Эта теория вызрела давно, однако не выходила на поверхность, в официальный дискурс. Например, если послушать американский рэп, то там эта мысль постоянно присутствует: белые, гнусные полицейские или капиталисты-буржуи, нас постоянно бьют и притесняют, а нам, таким хорошим и угнетенным, не дают курить траву и жить в свое удовольствие. Вот основной рефрен этого внутреннего постколониального сознания. А сегодня то, о чем несколько десятилетий пели рэперы, стало политическими лозунгами.

Победить «белизну» сознания

— Однако точно так же о вине белых американцев перед черными говорят сегодня далеко не только черные, но и сами белые американцы.

— Да, но это, как правило, представители леворадикального движения. В США всегда были левые: одно время довольно популярной была коммунистическая партия, разные троцкистские и анархистские группы. В период маккартизма в конце сороковых и в пятидесятые годы прошлого века их подвергли репрессиям, с тех пор они вели довольно маргинальное существование, но вновь активизировались к концу шестидесятых, в период борьбы против войны во Вьетнаме. Это было поколение хиппи, рок-н-ролла, свободной любви, борьбы с империализмом и прочих вольностей. И хотя эта идеология не стала доминирующей в политике, многие ее представители осели в университетах, СМИ, кинематографе и других сферах культуры и стали оказывать значительное влияние на общество.

Яркий пример — Анджела Дэвис, член Коммунистической партии США. В 1970 году ее обвинили в захвате заложников и убийстве. Восемнадцать месяцев она провела в тюрьме. В это время масштабная кампания за ее освобождение развернулась в Советском Союзе, а также среди левых группировок в США. И в конце концов ее выпустили, обвинения доказать не удалось. Сейчас она почетный профессор в Калифорнийском университете в Санта-Крузе, где преподавала историю сознания и феминизма. Можно себе представить содержание ее лекций. То, к чему она призывала всю жизнь: ликвидация «тюремно-индустриальной системы», прекращение финансирования полиции, расширение системы освобождения под залог, — ранее считалось левым радикализмом, а сегодня об этом говорят все: от демонстрантов до лидеров Демократической партии.

Так постепенно и складывался интеллектуальный фундамент черного постколониального сознания, где, кстати сказать, угнетателями становятся не только белые как таковые, но и капиталисты, и даже евреи. Не секрет, что среди части чернокожего населения очень сильны антисемитские настроения, связано это с тем, что американский истеблишмент всегда поддерживал Израиль. Антисемитизмом всегда отличалась, например, религиозно-политическая организация «Нация ислама». А недавно антисемитские высказывания и картинки опубликовал в своем твиттере известный рэпер и сторонник движения Black Lives Matter («Жизни черных имеют значение») Айс Кьюб (О'Ши Джексон), чем вызвал критику даже некоторых своих сторонников.

Поэтому в США сегодня сложилась уникальная ситуация: во-первых, борьба с остатками колониализма идет в своей собственной стране, а во-вторых, очень активно в эту борьбу включились сами белые американцы, которые учились у леволиберальных и марксистских профессоров в университетах, читали соответствующие газеты и интернет-сайты, смотрели фильмы.

— Кажется, для них эта борьба еще идет под лозунгом «Победить “белизну” в своем сознании».

— Совершенно верно. И в этой идеологии есть несколько любопытных постулатов. Первый: раса — это не биологическое явление, а identity, то есть некоторое ваше представление, идентичность. Вы белый не потому, что у вас белый цвет кожи, а потому, что у вас «белое» сознание, потому что вы все время жили в ситуации «белого превосходства» и сознательно или подсознательно являетесь его сторонником. В первую очередь вы должны себе в этом признаться. Этот псевдонаучный постулат, кстати, сильно напоминает маоцзэдуновскую «культурную революцию», когда считалось, что классовых врагов нужно не убивать, а перевоспитывать, заставляя выступать «с самокритикой», находить в себе «капиталистические» стремления и каяться в классовых грехах.

Второй постулат — *silence is violence*, «молчание означает насилие». Это запрет на занятие нейтральной позиции, попытку отсидеться в стороне. Нельзя не только выступать против верной идеологии, но и не выступать за нее. Ваш моральный долг — встать в ряды борцов и активно бороться за правое дело, иначе с вами надо поступать как с контрреволюционером.

— Это все, конечно, очень напоминает лозунги времен якобинского террора.

— Конечно, и не только его, но и лозунги большевизма времен Гражданской войны. Отсюда же рождается и третий постулат: *speech is violence*, то есть «слова — это насилие». Если вы скажете неправильные слова, то станетесь насильником. Вы прежде всего должны говорить правильные лозунги, например *Black Lives Matter*. *All Lives Matter* («Все жизни важны») — это неправильный лозунг, он затушевывает главное — вину белых. Озвучивая его, вы осуществляете насилие против черных, а это значит, что против вас нужно принять меры, например выгнать с работы. И уже сейчас в США развернулась целая кампания по увольнению людей с работы за неправильные слова, выражение неправильной позиции. Эту тенденцию еще называют *cancel culture* — культура всеобщего бойкота за неправильные мысли, высказанные публично, например в социальных сетях. Десятки людей уже поплатились за это работой в СМИ, университетах и даже в частных компаниях.

Американское возрождение советского страха

— Но почему именно такой леволиберальный тренд, причем довольно радикальный, если не сказать тоталитарный, стал мейнстримом в американских университетах?

— Причин много. С одной стороны, часть нынешних университетских преподавателей — это дети поколения хиппи, и они куда радикальнее своих отцов. Достоевский в «Бесах» блестяще описал этот поколенческий феномен: дети либералов становятся радикалами. Дети довольно мирных хиппи стали радикалами-погромщиками. Они, конечно, хорошо организованы и транслируют простую и понятную идеологию: корень всех проблем и главные «враги народа» — расисты, надо ликвидировать «системный расизм» и вычистить «белизну» из сознания. В этом их безусловная сила.

Другой немаловажный фактор — миграция, которая, кстати, коснулась не только американских, но еще в большей степени европейских университетов. Многие интеллектуалы, которые

продвигают сегодня идею, что колониализм и расизм — главный фактор мировой политики, либо сами мигранты, прибывшие на Запад из Африки, Пакистана или Индии, либо их дети. Они принесли с собой постколониальное сознание и, слившись с местными левыми, превратили его из курьезной аномалии в мейнстрим.

— *Левая профессура всегда была сильно представлена в американских университетах?*

— Ее позиции всегда были сильными, но до недавнего времени они были сбалансированы другими течениями. В последнее же время быть профессором и придерживаться правых взглядов стало просто неприлично и даже опасно. Особенно когда стали вводиться принципы политической корректности. Грубо говоря, толстого нельзя называть толстым, а худого — худым, сумасшедшего — сумасшедшим, нельзя интересоваться национальностью, религией, вообще практически ничем. Это такая своеобразная культура обиды, когда даже невинная шутка может кого-то ранить.

EUMAYRASS

В итоге еще до движения *Black Lives Matter* появились такие вещи, как *safe spaces* — право каждого быть защищенным от обиды. На практике это означает, что, если кто-то что-то сказал, а ты обиделся, ты можешь настучать начальству, и у обидчика будут большие проблемы. Нельзя еще заниматься *cultural appropriation*, то есть присвоением чужой культуры. Например, если ты не грузин, тебе нельзя танцевать лезгинку, потому что грузины почему-то должны обидеться. Причем грузин никто и спрашивать не будет, должны, и всё, так положено по идеологии. Или *non-platforming*, то есть непредоставление платформы для выступлений нехорошим, неправильным с точки зрения политической корректности людям, прежде всего правым и традиционалистам.

Я, кстати, на своем собственном опыте сталкивался с этим. Дело в том, что я бывал в Америке длительное время два раза. Первый раз в 1997 году. Я работал тогда в Гарварде. Помню свои впечатления — чувство, что приехал в США из абсолютной свободной страны. Россия была тогда свободная аж до бардака. Думаю что хочешь, говори что хочешь — никого ничего не волнует. Но я ведь на тот момент имел еще и другой опыт, большую часть своей жизни прожив в СССР. А какие главные чувства были у советского человека? Первое — это чувство «глубокого удовлетворения», как тогда говорили, а второе — чувство страха. Я в детстве, в школе и в университете жил с постоянным чувством страха, как бы не сказать кому-нибудь чего-нибудь лишнего. Потому что, если скажешь, сразу же начнется: партсобрания,

разъяснения, выговоры и так далее. Потом, как начались девяностые, я это чувство забыл. Но вспомнил его, когда приехал тогда в Америку.

Помню, я вошел в комнату, в которой должен был работать. Там были мужчины и одна девушка. И я этой девушке между прочим сказал, что мне нравится ее платье. То есть сделал ей комплимент, но без всякого умысла. Она меня сама потом отозвала в сторону и сказала, что это, конечно, хорошо, что мне понравилось ее платье, но вообще у них так говорить нельзя — могут быть последствия. И вот тогда-то ко мне и вернулось это чувство страха, забытое вместе с крахом СССР.

— *То есть парадоксальным образом советский страх реинкарнировал в американских университетах?*

— Да, и не только в них. Теперь он распространяется и внутри самого общества.

Как сказала известная лидер левого движения член палаты представителей от Демократической партии Александрия Окасио-Кортес, моральная правота важнее фактов. То есть,

BINGO CHUIZUMA WIRE

если ты на стороне правды, факты можно и подогнать. Как тут не вспомнить одного из героев Андрея Платонова, беспокоившегося о том, «не есть ли истина лишь классовый враг»? И вот эта идеология постепенно захватывала американскую элиту, но тут неожиданно выборы выиграл Трамп, и общество сильно раскололось, потому что Трамп — президент борьбы с политической корректностью.

Он консолидировал вокруг себя традиционалистов и консерваторов, но левая элита его ненавидит. Больше того, левые «антирасистские» лозунги, особенно после смерти Джорджа Флойда, стали использовать в политических целях члены Демократической партии. Это раскололо элиту и сделало ситуацию крайне взрывоопасной. Например, мэры и губернаторы — демократы фактически отказываются использовать полицию для разгона погромов и грабежей, потому что участники этих погромов — их потенциальные избиратели. А полиция в США подчиняется местным властям, а не федеральной власти.

— *Тем не менее можно ли говорить, что то, что происходит в США сегодня — со всеми митингами, политической корректностью и леволиберальной профессурой, есть логическое завершение глобального процесса эмансипации, который начался на Западе в шестидесятые годы? Что происходит некоторое окончательное формирование нового, постиндустриального порядка, финальной фазой которого оказывается решение проблемы расовой дискриминации?*

— Безусловно, это продолжение того самого процесса, однако он за это время приобрел некоторые специфические формы. Западная теория равенства перед законом вела к постоянному расширению категории обладателей всем объемом прав. Сначала это были только богатые мужчины, потом бедные, бывшие рабы, женщины, молодежь. Но «политика идентичности» постепенно привела к складыванию групп «особенно угнетенных», которым, как считается, нужно дать больше прав, чем всем остальным. Это, например, женщины, гомосексуалы и люди определенных этнических групп. Причем группы эти определялись порой случайно, часто это были те, кто лучше организован. В результате эмансипация вылилась в процесс обратной дискриминации. Некоторые бывшие угнетенные в расплату за то, что их долго угнетали, получили больше прав, чем все остальные. Фактически некоторые группы стали привилегированными, началась обратная дискриминация.

Сегодня уже выдвигается лозунг не привилегий, а репараций. Белые теперь должны платить черным репарации, потому что предки белых угнетали предков сегодняшних черных. Черного должны брать в университет или на работу вне очереди. Все это, конечно, очень напоминает классическую шариковщину: «Возьмите меня начальником очистки, потому что я такой несчастный пролетарий».

Антирасовое оружие доминирования

— *В своей статье вы сравнили борьбу с расизмом, которая сегодня проникает в западные академические программы, с марксизмом, который в свое время с таким же триумфом овладел умами западных ученых. Как тогда с рвением стали всё и вся описывать классовой борьбой, так и сейчас весь исторический процесс хотят*

свести к расовой дискриминации. Однако мы знаем, что марксизм, при всей его изначальной идеологичности, тем не менее оказался полезен и сделал большую «академическую карьеру». Можно ли предположить, что и с антирасовым движением произойдет такая же история и в будущем оно тоже принесет какую-то пользу?

— Марксизм прошел долгую эволюцию. Конечно, то, о чем писал Маркс, — довольно интересная теория общественного развития. Не идеальная, со многими спорными элементами, но очень значительная для своего времени. И когда Маркс говорил, что классовая борьба в истории играет большую роль, то можно частично с этим согласиться. Однако когда вы из этого делаете вывод, что буржуев и капиталистов надо ликвидировать как класс, как говорил Ленин, или даже вообще уничтожить физически, то это уже совсем другой марксизм. Карл Маркс очень удивился бы тому, что писали и делали те, кто называл себя марксистами: Сталин, Мао Цзэдун или Пол Пот. Но марксизм эволюционировал в разные стороны: с одной стороны — к кровавым диктатурам, а с другой — к европейской социал-демократии, которая привела к развитию трудового законодательства и улучшению жизни рабочих.

То же самое и здесь. Сам по себе либерализм, идея эмансипации или левые теории социального равенства сыграли важную роль в общественном развитии. И уже, в общем-то, многое изменили. Но идеология обратного расизма — это,

простите, уже чистый абсурд, который никакой положительной роли сыграть не может. Я писал о том, что расизмом сегодня считают не идею превосходства одной биологической расы над другой. Для новых идеологов расизм — это любая идея, которая является продолжением линии эпохи Просвещения. Любая теория линейного поступательного прогресса — например, где «белый» Запад рассматривается как общество более развитое, чем остальные. То есть это радикальный релятивизм.

— Почему релятивизм?

— Потому что запрещено говорить, что современное общество в Германии находится на более высоком уровне развития, чем племя, которое живет сейчас где-нибудь в Амазонке, где люди ходят голышом и охотятся при помощи копья. Все по-своему хороши, и критериев общественного развития нет. Любые объективные критерии и эталоны, особенно если они приводят к выводу о большей развитости Запада, необходимо отбросить, потому что именно они являются источником расизма. Подспудно происходит идеализация неразвитых обществ. И вот начинают говорить, например, что в Африке до прихода колонизаторов все было прекрасно и замечательно, а потом пришли гнусные европейцы и все испортили.

Но, простите, а кто, собственно, продавал тех же самых чернокожих рабов работягам? Не сами ли местные царьки? А если кто-то хочет посмотреть, какую политическую систему могли бы создать черные американцы без белых — вот вам возможность. Поезжайте в Либерию, страну, куда еще с первой половины девятнадцатого века эмигрировали черные американцы под лозунгом возвращения в Африку. Они сразу же стали угнетать местное африканское население, а созданная ими страна превратилась в жестокую диктатуру, где десятилетиями шла гражданская война.

— Выходит, сейчас действительно есть опасность, что США станут производителем новой тоталитарной идеологии двадцать первого века? Или это все-таки преувеличение?

— Я думаю, так можно сказать, если употреблять термин «тоталитарный» в смысле навязываемой сверху и обязательной для всех. Запад всегда распространял какую-то истинную идею, навязывая ее всем в качестве всеобщей. Сначала это была истинная христианская вера, в которую обращали своими мечами крестоносцы, потом «бремя белого человека» как оправдание колониализма, еще позднее — «демократия», «права человека» и «рыночная экономика», которые навязывали бомбардировками, не обращая внимания на то, несет это другим культурам прогресс или хаос. А теперь такой идеей может стать всеобщая борьба с расизмом. И от всех будут требовать искать расизм даже там, где его никогда не было. Хотя при столь широком и расплывчатом понимании расизма найти его при желании можно в любой стране. И затем под знаменем освобождения угнетенных вводить санкции или войска.

Сегодня борцы с расизмом настроены антиимпериалистически, но это пока у власти в США и Европе Трамп и прочие

империалисты. Когда же к власти придут «правильные» люди, распространение верной идеологии уже будет считаться не империализмом, а прогрессом. Ленин тоже говорил, что Россия — тюрьма народов. Но когда сам пришел к власти, покорил большую часть их обратно, только под «правильными», большевистскими лозунгами.

— Вы говорили, что идея европоцентризма стала «красной тряпкой» не только в западном политическом пространстве, но и в академической среде. И что под ударом оказались не только американские, но и европейские университеты. Выходит, радикальный отказ от анализа европейской истории как уникального явления и есть тот самый «закат Европы», о котором пророчил Освальд Шпенглер еще в начале двадцатого века?

— Вполне возможно. Шпенглер, Ортега-и-Гассет и другие социальные мыслители этого направления просто уловили эту тенденцию в самом начале. А сегодня она, похоже, приближается к своему логическому финалу. Восстание масс не привело их к власти непосредственно, но его результатом стало то, что элиты попали в зависимость от массовых настроений и потеряли способность к какому-либо целеполаганию, кроме

удовлетворения материальных потребностей, своих и в какой-то степени населения.

Это приведет западное общество к краху, к замене его более динамичными обществами, которые готовы на жертвы ради какой-то общей цели. Так всегда было в истории. Изнеженную и расколотую Грецию завоевала Македония, Македонию — динамичный Рим, разложившийся Рим — варвары.

Механизм смерти цивилизации хорошо описал Арнольд Тойнби.

«Доминирующее меньшинство» теряет творческие силы и лишь силой пытается сохранить свои привилегии. «Внутренний пролетариат», состоящий из непривилегированных слоев общества, недовольных своим положением, объединяется с «внешним пролетариатом» — бедными народами за пределами цивилизации. Совместными усилиями они рушат старую систему, но «внутренний пролетариат» может сформировать «вечную церковь», некую общность, которая переносит часть институтов старой цивилизации во вновь возникающую на ее руинах.

Сегодня на Западе мы имеем ослабевшее и потерявшее перспективу «доминирующее меньшинство», «внутренний пролетариат» в виде недовольных слоев, ненавидящих существующие порядки и громящих его здания и институты, и «внешний пролетариат» в виде огромной массы населения бедных государств, в больших количествах проникающего со своими привычками в государства Запада. А рядом растут более динамичные государства, готовые перехватить инициативу: Китай, Индия и другие. Дело идет к закату Запада, и нет ощущения, что кто-то может повернуть этот процесс вспять. Впрочем, не наше дело знать времена и сроки, поэтому процесс этот может занять еще много времени. ■

«Внутренний пролетариат», состоящий из непривилегированных слоев общества, недовольных своим положением, объединяется с «внешним пролетариатом» — бедными народами за пределами цивилизации. Совместными усилиями они и рушат старую систему

JACQUELYN MARTIN/AP/TASS